

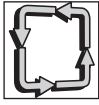

Телесно-ориентированный подход в эпистемологии: эвристический потенциал и когнитивные границы

Н. М. СМЕРНОВА

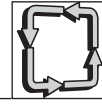
Основной тезис Е.Н. Князевой о том, что особенности телесного строения организма определяют как его когнитивную нишу, так и характеристики самой познавательной деятельности, не вызывает сомнения по отношению к обыденному познанию, «встроенному» в рутинные практики повседневной жизни. Однако и в этих пределах высказанное ею положение о том, что «эмерджентность фундаментальна для понимания сознания», т.е. содержание ментальных актов отнюдь не всецело определяется конфигурацией нейрофизиологических связей, порождает вопрос о границах телесно-ориентированного подхода. Ибо если сознание эмерджентно, то телесно-ориентированный подход в отношении него обладает ограниченной объяснительной способностью. Равно как и другие когнитивные установки, телесно-ориентированный подход имеет пределы своей эвристичности. Каковы они? Отцы-основатели эволюционной эпистемологии Ф. Вукетич, Т. Ридл, Г. Фоллмер и др. верили в ее безграничные объяснительные возможности, в том числе и в части решения традиционных проблем теории познания, например происхождения врожденных идей и априорных форм чувственного созерцания и рассудка. Но почти полувекковая традиция развития эволюционной эпистемологии позволяет очертить пределы ее адекватности.

На мой взгляд, эволюционная эпистемология вносит вклад в традиционные представления о чувственном уровне обыденного познания. Отметим ее утверждение о том, что объект чувственного познания детерминирован мезокосмической определенностью человека как телесного существа. Развитый Г. Фоллмером мезокосмический

подход в теории познания парадоксальным образом реставрирует забытые черты аристотелевской онтологии с присущим ей представлением о центре мира (центре сенсорной активности), об абсолютном верхе и низе, прикрепленных и некрепленных поверхностях, средах и т.п. Экологическая концепция восприятия Дж. Гибсона развивает «адаптационный» взгляд на когнитивные характеристики чувственного восприятия как на «гипотезы ориентировки». При этом важнейшим компонентом чувственного восприятия в рамках экологической концепции полагается самовосприятие, несущее информацию о положении собственного тела в мезокосме. Истинность или ложность гипотез ориентировки проверяется на практике, и таким образом телесно-ориентированный подход распространяет понятие истины и на уровень чувственного познания. Наконец, представление о том, что интерпретация, т.е. семантическое декодирование визуальной схемы, необходимо присутствует в любом зрительном восприятии, также обогащает традиционные представления о процессе чувственного познания.

Однако влияние телесно-ориентированного подхода на теорию познания в целом мне представляется неоправданно преувеличенным. Подобное гипертрофирование телесного начала в эпистемологии базируется на сильной и философски не бесспорной предпосылке, не критически принимаемой представителями эволюционной эпистемологии, а именно, на отождествлении биологической эволюции с процессом познания. Так, отец-основатель эволюционной эпистемологии К. Лоренц полагал, что познание и эволюция являются двумя сторонами единого процесса реализации биологических основ человеческого мышления. Мышление носит адаптивный характер и служит целям выживания организма в среде обитания. Подобное отождествление правомерно лишь в определенных пределах, которые следовало строго ограничивать рамками мышления животных и обыденного познания человека. Однако сложность состоит в следующем: даже в рамках подобных ограничений необходимо иметь в виду, что чистое чувственное познание – теоретико-познавательная абстракция. Опосредованность чувственного восприятия человека уже имеющимися когнитивными паттернами – факт, установленный в когнитивной психологии. Философски это означает, что когнитивный контакт с предметом познания в значительной мере детерминирован накопленным опытом подобных прошлых взаимодействий – как самого индивида, так и культурного сообщества. Процесс накопления подобного опыта («седиментация значений») опосредован языком и культурой. Кроме того, создание и использование знаково-символических систем сравнительно высокого уровня (простейшие символические действия присущи и животным) не схватываются логикой развития адаптационных механизмов. В рамках же самой эволюционной эпистемологии представление о том, что логика раз-

ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

вития знаково-символических систем выходит за пределы объяснительных возможностей телесно-ориентированного подхода, выглядит скорее оговоркой, чем констатацией пределов адекватности натуралистически ориентированной теории познания. Это означает, что эволюционная эпистемология с необходимостью требует дополнения эпистемологией социальной.

Выявление пределов адекватности эволюционной эпистемологии отнюдь не умаляет эвристической значимости самого понятия телесности. Оно доказало свою эффективность как в «прикладной» эпистемологии, так и для решения фундаментальных проблем социальной метафизики. Понятие инкорпорированного знания (*embodied cognition*) широко использовал М. Полани для изучения когнитивной сущности опривыченных действий – навыков. Он показал, что различные по цели и направленности действия – от плавания и езды на велосипеде до виртуозного изготовления сложнейших технических приборов и музыкальных инструментов – представляют собой практическое использование инкорпорированного знания – знания «на кончиках пальцев» («на острие взгляда» и т.п.). Осуществленный им когнитивный анализ навыков выявил двоякую проблему: как выразить инкорпорированное знание в языке и как индивиду выработать социально освоенный навык по его описанию, т.е. преодолеть «эпистемологический разрыв» (*epistemological gap*) между всеобщностью формулировок правила и индивидуальными особенностями того, кто осваивает навык.

Понятие телесности играет важнейшую роль в феноменологической теории интересубъективности. Оно используется для описания процесса конституирования смысла Другого в трансцендентально-редуцированной сфере. Э. Гуссерль полагает, что аналогизирующий перенос предметного смысла с моего организма на тело Другого возможен благодаря сходству его телесных движений с моими собственными. «Эмпирически идентичная манера» телесных движений открывает мне способность Другого управлять своим телом, а вместе с этим и его «нефизическое измерение», что позволяет мыслить его как организм с атрибутами духовности. Наконец, различие в модусах пространственной данности наших тел (моего «здесь» и его «там») позволяет заключить, что Другой обладает реальным существованием, а не только смыслом в трансцендентально чистом сознании.

Исследование эволюции телесных практик истории (Н. Элиас, М. Фуко и др.) задает новое измерение философии культуры. Это предметные горизонты исследования повседневности, «археологии познания» и т.п. В исследовании этих предметов *социальной* эпистемологии принадлежит главная роль.